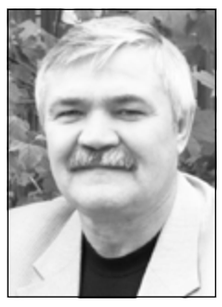
Геннадий РУССКИХ

Лекарство от ковида

Рассказ



И надо же такому случиться… В разгар лета, в его макушку, когда в теплице, подставляя бешеному солнцу снегириные бока, наливаются помидоры, пурпурными поросятами льнут к земле «синенькие», тёмными, с белым налётом фугасами нежатся в тёплом закуте огурцы, обвисли под тяжестью ягод кусты смородника в палисаднике. Наслаждайся. А ко мне пришла хворь. Так-то дело привычно-обычное, даже нередкое для этого коварно-благословенного времени: сквозняки, знаете, поездки в авто с кондиционером, купание без меры.

Словом, сначала засвербило в носу. Кажется, чих даже раздвигал стены моей комнаты, колыхались оконные занавески, а на улице от страха ли, удивления ли повизгивала собачонка при каждом моём «апчхи». Я к народным средствам – луку, чесноку, петрушке. Думал, прихватил заразу вовремя. Ан нет. К вечеру запершило в горле. Ну, тут у меня способ проверенный: настойка календулы фифти-фифти с кипяточком, два подхода с полосканием и дело в шляпе – здоров. Но и тут промазал. Проснулся среди ночи от озноба и предательского жжения в грудине, начался кашель. Всё, как говорится – приплыли. Изъеденный жизненным опытом мозг буднично констатировал: ты, приятель, заболел.

Мне сделалось тоскливо. И даже не от самого факта прицепившейся хвори – что, в первый раз что ли? Впал в уныние я от того, что приключилась она в то время, когда грешный наш мир впал в повальное безумие под названием ковид. Кипели страсти-мордасти, мор косил народы, нации, страны. Ученые, медики наперебой несли разноголосицу, журналисты смаковали страшные ужасы мучительных смертей, народ влез в маски, и если случалось кому-то кашлянуть или чихнуть в людном месте, все в ужасе разлетались от бедняги, как от взорвавшегося снаряда.

Так-то я, вроде, не робкого десятка. Но, влезая в паутину интернета и видя замотанные глаза, уши, ноги, руки, туловища бойцов с вселенским поветрием, мне делалось не по себе. Сердце моё стучало, вспоминалась давняя комсомольская песня: «И вновь продолжается бой…», хотелось услышать голос Левитана с его тревожным – *от советского информбюро*, и записаться добровольцем на фронт борьбы с ковидной заразой. Но потом порыв угас. Всё, что я прочитал о надвигавшейся фатальной беде, звучало порой противоречиво-фальшиво, натянуто-несерьезно, и закутанные в скафандры бойцы уже стали мне напоминать каких-то инопланетян, залетевших случайно на нашу грешную землю. А когда я дошёл до изолятов, пэцээров, днков, рнков и прочих малопонятных терминов, мозг мой готов был взорваться. И я решил, что в ковидные цацки играть не хочу и то, что написано мне на роду, так тому и быть.

Но этот самый проклятый когнитивный-то диссонанс… Он же, собака, блудливым червячком буравил и буравил моё серое вещество. А тут ещё и возбуждённое ознобом сознание… Словом, как бы я от себя ни гнал крамольные мысли, как бы ни хорохорился, мне иногда казалось: этот зловещий вирус, похожий под микроскопом на грозную морскую мину былых времен, своими взрывателями-присосками намертво прильнёт к моему несчастному нутру и вытянет все мои жизненные силы до самой капелюшечки. Ковид-бандит, ковид ядовит – лезла в воспаленное сознание всякая рифмованная хрень. Что-то зловещее слышалось мне в звучании этого слова, змеиное: ковид давит, удав. И окочуриться от этой заразы, сыграть в ящик, который даже не разрешат открыть близким, чтобы проститься со своим братом «во гробе лежащим, бесславным и безобразным», совсем не входило в мои планы.

Было тихо. Солнце нещадно гнало свои нейтрино в распахнутое окно, нестерпимо ярко отражалось на светлых обоях. Зудела назойливо и нудно влетевшая в комнату оса, изредка взлаивала на соседских котов собачонка, а может и на голубей, облюбовавших кусты уже созревшей черёмухи. Если бы ни хворь, то вполне себе пасторальная картинка.

А что в мире? Я залез в сеть. А в мире бушевало ковидное цунами. Сшибались в схватке с полицейскими толпы протестующих против ковидных ограничений, закрывались границы, объявлялись какие-то локдауны, пелись панегирики изобретённым в короткое время вакцинам – прививайтесь, прививайтесь, прививайтесь или ваши дни сочтены, и прочее. Цунами захлёстывало, девятиэтажной волной накрывало сознание, заставляя нейроны метаться по серому веществу с бешеной скоростью.

Звякнула калитка, тявкнула и замолкла собачонка. У меня возникло ощущение, что мировое цунами приближается к моему тихому пристанищу. Точно, шаги, будто маленькие копытца по бетонной дорожке – цок, цок, цок.. Ближе, ближе, уже на лестнице. Сквозь пол начала просачиваться солёная вода, я ощутил запах тины. Распахнулась дверь и бешеный поток с шумом и силой ворвался в дверной проём. Я стал захлёбываться. В комнату влетела моя дочь, «дыша духами и туманами», красивая, в черной многоразовой маске. Я вспомнил беспощадных тевтонских рыцарей.

– Папа! Ты что?! Как тебя угораздило? Мы все умрём! – в побелевших глазах ужас и отчаяние.

– В военное время тебя бы расстреляли за то, что сеешь панику, – невозмутимо сказал я.

– Мне надоели твои шуточки! Где ты подцепил эту заразу?

– Раньше болезни называли поветрием. В форточку залетела, – я грустно улыбнулся.

– Хватит! Быстро собирайся.

– Куда собираться? Ты подогнала катафалк?

– Перестань! Поедем делать тест ПЦР. Я уже договорилась.

– ПЦР, ПЦР… это похоронный центр…

Дочь затопала ногами. Я подумал, что своими шпильками она пробьёт пол.

– По-е-хали! – она сорвала маску. Опрометчиво, вдруг у меня и вправду этот коварный сосальщик.

– Никуда я не поеду, – чеканя слова, твёрдо ответил я.

– И слушать даже не хочу, поехали!

И тут я рявкнул, словно у меня и не было никакой хвори. С черёмухи с шумом сорвались голуби. Взвизгнула от испуга собачонка. Дочь оторопело посмотрела на меня, хватая воздух ноздрями. Вдруг что-то вспомнив, накинула на нос маску тевтонов и вылетела из комнаты с той же быстротой, что и влетела. Цунами ослабело. Мне стало легче дышать и, кажется, я уже раскаивался за свои действия. Со стены на меня серьёзно и, как мне показалось, осуждающе, смотрел с фотографии мой любимый внук Серёга, как две капли перцовки похожий на свою мать. Я с сожалением развёл руками, мол, бывает.

– Внука не получишь, пока не выздоровеешь, – уже с лестницы кричала мне дочь.

– Ну, это и так было ясно, – уже сам себе спокойно ответил я. Шпильки процокали в обратном направлении. На дочь я не злился. Сам её такой воспитал, чего же на зеркало пенять. Но в целом она человек замечательный. Она красивая, чуткая, сострадательная и даже может быть жертвенной. Но может и… Ох-хо-хо, грехи наши тяжкие.

Но что же делать? ПЦР, БТР… Надо же как-то наладить отношения с родной медициной. Рецепты там, пилюли, осмотры, рекомендации, а вдруг… Червячок буравил и буравил мой мозг. Вот хорошо было в совковое время: позвонил в районную больницу, пригласил врача на дом и вся недолга. А сейчас? А что сейчас, может не вся система развалилась, может всё работает. А ну-ка… Я нашел в сети свою поликлинику и набрал номер. И каково же было моё удивление, когда молодой приятный женский голос подтвердил, что система жива и, спросив про мой возраст и проблемы, поинтересовался в какое время удобно подойти врачу.

– Да хоть сейчас, – всё ещё не веря в живость системы, неуверенно ответил я.

– Ваш адрес?

Я назвал.

– Это частный дом? – спросили на том конце сотовой связи.

– Да.

– Пожалуйста, не закрывайте калитку и закройте, если есть, собаку. Врач скоро будет.

– Спасибо.

Я снова кинулся в рассуждения. Заявление дочери о том, что я не увижу своего внука, конечно, огорчило меня. Я к нему был очень привязан. Почти семь лет мы прожили, не расставаясь ни на день. Мои руки помнили его с момента рождения. Моя память хранила его первые шаги, детский лепет, его детскую привязанность, наивность, улыбку и трогательное «дедя». Семья дочери с год назад съехала от нас, купив в ипотеку квартиру, к моей радости совсем недалеко от нашего дома. И весь первый класс я проучился вместе с Серёгой. Мы читали, считали, писали, занимались музыкой. Его первые каракули я хранил в своей прикроватной тумбочке и часто, с умильной улыбкой, их пересматривал, вот буквально вчера, порой даже смахивая слезу от нахлынувших воспоминаний. Надо сказать, что сердце мою чутко ощущало и внукову привязанность. Приезжая по утрам в гости, он звонким голоском первым дело делом осведомлялся: где мой «дедя»? Сердце моё млело, слыша знакомый голосок, а по телу разливалось приятное тепло. И вот в эту сердечную трогательность будет внесён диссонанс. Грустно. Наверное, внук огорчится, когда узнает, что я заболел.

Но с другой стороны, дочь ведь права. Как ни крути, а всё-таки я болен. А вдруг этот ковид-троглодит?! Тьфу ты, вот ведь привязалась коварная мыслишка, как репейник в колтуны вцепилась. Однако, поберечься всё равно необходимо. Я вздохнул. Делать нечего, придется смириться.

– Да, смирение – миру творение! – услышал я чей-то голос. Слова я пропустил мимо ушей, а только вздрогнул от неожиданности, пожалуй, даже от испуга при виде незнакомого гостя. В дверях стоял колоритный, среднего роста мужчина с седой аккуратной бородкой примерно моих лет. Густые, тронутые сединой волосы были собраны на затылке в метелку, завиток от которой красиво прилёг на его плече. Одет он был в серую грубоватую льняную рубашку, наподобие хохляцкой вышиванки, и даже подпоясан по вполне возрастному животику тонким кожаным ремешком. В руках он держал старомодный потёртый кожаный саквояжик, с каким ходили врачи ещё в моё молодое время. Улыбался. Я удивлённо вскинул брови, сердце моё колотилось. Я не слышал звука калитки?.. Хотя, постой, я же сам её открыл. А собачонка? Даже не гавкнула.

– Врача вызывали? – осведомился тем временем мой гость, с улыбкой глядя на меня. Голос у него был глухой, даже чуть с хрипотцой. – Что удивлены?

– Да, как-то неожиданно, не слышно, собака…

– Собачка ваша ласковая. Даже о штанину потёрлась. Ну, что с вами стряслось, рассказывайте.

– Насморк, горло, першение в груди, кашель.

– Температура? – вошедший подошёл ко мне и тронул лоб. – Да, 38.

– Точно! В тютельку. Только что измерял. Вы всегда так определяете? Простите, а звать величать вас как?

– Ну, опыт, как говорится, не пропьёшь. Зовите меня Сергей Ильич.

«Сергей» у него прозвучало как «Сергій»

Услышав про опыт, я повеселел: наш человек.

– Сами-то что думаете? Есть соображения? – продолжал гость, присев на краешек кровати.

– В мои времена это называлось острым респираторным заболеванием.

– В мои тоже, а что изменилось-то? Вы о ковиде? Из всего прочитанного мною по это модной хвори могу сказать, что ясной картины нет. Я лечащий врач и мне нужна симптоматика заболевания. Отсутствие вкуса и запаха – это глупости. Сколько существует человечество, это было всегда. Поэтому давайте приступим.

Сергей Ильич раскрыл свой саквояжик и достал… оранжевую слуховую трубочку, какими пользовались врачи ещё в чеховские времена. Кажется, такую же я видел в детском медицинском наборе моего внука. Поймав мой удивленный взгляд, Сергей Ильич улыбнулся.

– Такой же точно слуховой трубочкой пользовался ещё мой дед. У нас ведь династия. Так вот, уверяю вас, все хрипы и жёсткое дыхание через трубочку улавливаются гораздо чётче. – Он прильнул трубочкой к моей спине. – Так, легкие чистые, сердечко стучит учащенно, но это хорошо. Кровь надо гонять. Лучше, чтобы она была пожиже. Пейте отвар малинового или смородинового листа, они сильно разжижают кровь, лучше аспирина. Пульс (на пульсе он задержался, подняв глаза к потолку) повышенный – тоже неплохо. А вот в бронхах – беспорядок, бронхитик-то застарелый, застарелый. С табачком, видать, когда-то крепко дружили. Когда выздоровеете, попробуйте попить полынный настой, хорошо помогает. И вот я вам таблеточку свою предложу. Я раньше увлекался травами.

Он повернулся к саквояжу, мотнул своей метёлкой, и на меня пахнуло запахом ладана, густым и пахучим.

– А вы, случайно, не священник? – удивленно спросил я.

– Что вы, но в храме помогаю. Часы читаю, в алтаре подвизаюсь, батюшке кадило подаю. Иногда и по нескольку минут держишь перед собой кадило, весь ладанный дух на тебя и летит. Волосы, одежду, всё пропитает.

Он протянул мне бурого цвета, достаточно большую таблетку в мелких прожилках, потом привычным жестом поднял мои веки, некоторое время осматривал их. Затем я показал ему язык, железной лопаточкой он потрогал мои гланды. Покачал головой.

– Горло ещё плохое. Здесь крепкий спиртовой раствор календулы пополам с водой очень поможет. Да, печень поберегите. Алкоголь никогда не приводил к добру. Это хорошо, что вы сейчас не потребляете, но бережёного Бог бережёт.

«Откуда он знает, что я сейчас не потребляю?» – вяло соображал я.

– За свою долгую практику я работал с тысячами пациентов, – продолжал Сергей Ильич. – За века наша медицина накопила огромный опыт диагностики таких болезней. И я только могу подтвердить: у вас вся симптоматика ОРЗ. Теперь что делать? Прежде всего пить, много. И не просто воду из-под крана, а лучше впрогоречь, горячую то есть. Ешьте ягоды, смородина вон у вас на загляденье.

– Сколько?

– Тоннами, – Сергей Ильич улыбнулся. – Огурцы, помидоры – лучшие лекари.

– А можно у вас спросить, как лечитесь вы? Или медики никогда не болеют?

– Ещё как болеют, мы ведь в группе риска. Лично я спасаюсь брусничным морсом. А как ещё лечились в былые времена? Без аспиринов, арбидолов, антибиотиков? Только с Божьего огорода, не вымерли же. Да, смертность во младенчестве была высокая, но уж те, кто выжил, были крепкими людьми. Бог ведь посылает болезни не только для душевного врачевания, но и для телесного. На хворь у выздоровевшего человека вырабатывается иммунитет. Так что нет худа без добра и наоборот. А главный лекарь сами знаете кто – терпение. Ещё древние говорили, что терпение – половина выздоровления. Ну, ладно, мне пора.

Сергей Ильич поднялся, обдал меня ладанным духом, взялся за соквояжик.

– Да, чуть не забыл. Маску ни в коем случае не носите, наоборот, больше бывайте на воздухе, на солнышке – витамин Д, хороший лекарь.

– Так приятно совком повеяло: солнце, воздух и вода – вот и вся моя еда…

– А как по-другому? В Божьем мире должны помогать законы Божии. А все остальное – схоластика и средневековая алхимия. Вы меня не провожайте. Собачка ваша меня запомнила, а калитку я прикрою.

Как я ни прислушивался, но так и услышал уходящих шагов. Собачка молчала, калитка не звякнула.

Я выпил таблетку, предложенную моим ушедшим гостем, раскусив её. Запах сухой травинки долго стоял во рту. Вставать не хотелось, голова моя была тяжёлая, тело ломило. И все же, по совету Сергея Ильича, я двинулся на кухню и стал рыться в травах. Нашёл полынь, смородиновый, вперемежку с малиновым, лист, достал китайскую фарфоровую кружку с крышкой и заварил густой полынный настой. Потом во вместительный керамический горшок всыпал изрядно сушёной малины и залил крутым кипятком. Отыскал на самом дне коробки с лекарствами таблетки от кашля и сразу проглотил горсть. А что тут раздумывать: лечиться, так лечиться, чего мелочиться.

К вечеру погнало температуру. Ночка предстояла на редкость поганая. Я взялся за полынь. Настой был ещё чуть тёплый, горький и немножко вяжущий. Меня бил озноб, кожа покрылась пупырышками, и стало холодно. За грудиной жгло, непрестанно бил сухой кашель. Я надел китайское байковое бельё, влез в тёплый вязаный свитер, юркнул под одеяло. Стал усиленно пить малиновый настой. Погнало пот. Я был, как мышонок после утренней прогулки по росистой траве. Дважды вставал и переодевался в сухое. При этом меня трясло так, что я едва мог попасть ногами в гачи. В постели я вертелся, крутился, то сжимался в комок от озноба, то сбрасывал покрывало, спасаясь от жара. Я беспрестанно пил и пил малиновый настой, который тут же выходил обильным потом. Голова была тяжёлая, смурная. В ней беспрестанно крутилась одна и та же картина: берёзовый лес в порывах ветра, грозовые облака и раскисшая от ливня дорога. Такой васильевский пейзаж, хмурый и безрадостный. Потом всё пропало, и к утру я забылся глубоким сном и проспал до самого обеда.

Мне снилось что-то светлое, жизнеутверждающее, но я заспал, забыл. Проснулся с радостным чувством облегчения. Нет, слабость, конечно, ещё была, непрестанный кашель разрывал грудину, но было понятно, что наступил переломный момент. Я долго тряс градусник, потом засунул его себе подмышку. 36,7! Я не поверил глазам, опять повторил процедуру. Нет, всё точно. Я встал, вновь переоделся, оглядел комнату. На тумбочке стояла посуда от выпитых настоев, лежал какой-то свёрнутый пополам тетрадный листок. А в углу стояла оранжевая слуховая трубочка. Я удивлённо поднял брови. Я же вчера приносил сюда травяные настои и кажется ничего не заметил. Или?.. Мистика какая-то. Я взял бумажку. Это был тетрадный листок с линеечками для прописных букв. На таких мы с внуком тренировались в письме. Я развернул листок. Там довольно ровными буквами было выведено: *претерпевший до конца, спасётся*. Так-так-так… Да, я диктовал внуку эту фразу, усложняя наши занятия и одновременно воспитывая его, и он написал её без ошибок. Но там были каракульки. Или нет? Я озадаченно сел на кровать. Потом набрал номер районной больницы. Долго не соединялось. Наконец, довольно бесцеремонный и раздражённый женский голос ответил:

– Слушаю вас.

Были слышны гул и человеческие голоса. Видно там бушевало столпотворение.

– Девушка, я вчера вызвал на дом врача…

– Так, адрес, фамилия.

Я назвал.

– Так, дальше слушаю вас. Какой вопрос?

– Ко мне приходил врач Сергей Ильич. Так вот, он забыл у меня свою трубочку.

– Какую трубочку?

– Ну, трубочку такую, из чеховских времен, для прослушивания больных.

– Послушайте, мужчина, вы в порядке? Трубочка – это позапрошлый век. Наши специалисты давно пользуются фонендоскопами.

– Как же… А Сергей Ильич, такой красивый пожилой мужчина с бородкой. Он же приходил ко мне…

– Вы мне голову морочите? Никакой Сергей Ильич у нас не работает. А наш врач к вам прийти вчера не смог, заказов много. Повторный заказ делать будете? Быстро, у меня тут… цунами.

– Спасибо, нет.

Чуть позже затиликал телефон. Я увидел на дисплее знакомое имя. И услышал в трубке звонкий, чуть встревоженный голос.

– Здравствуй, мой дедя. Я узнал, что ты заболел и очень… это… ну…

– …встревожился, – помог я внуку.

– Да, да! Встревожился. Выздоравливай, я соскучился. Я попросил у Боженьки, чтобы он побыстрее сделал тебя здоровым.

– Спасибо, радость моя!

– Я люблю тебя.

– Я тебя тоже.

Голос мой дрогнул.

Вадим РУДАКОВ

Никодимыч

Рассказ

История эта произошла в начале девяностых годов, когда мне довелось работать актёром драматического театра.

В нашей труппе работали люди, каких можно встретить в любом городском театре. Каждый день они приходили на работу, пили бесконечный кофе, курили, сплетничали, повторяли свои роли, гримировались и каждый вечер выходили на сцену.

Среди артистов был человек по прозвищу Никодимыч.

Никто не знал, как его зовут по-настоящему. С тех пор, как пятнадцать лет назад он пришел в театр, к нему прилепилось это имя. Так его и звали. Просто и без затей: Никодимыч.

Когда я, начав работать в театре, встретил его первый раз, то увидел жилистого, невысокого мужчину лет пятидесяти. Он жевал беломорину, сидя в курилке, и посмотрел на меня глазами человека, у которого все лучшее позади.

Таких, как он, не назовёшь благополучными. Жизнь их часто толкает под локоть, ставит подножки, придумывая если не страшные, то наверняка ненужные проблемы. Он частенько бывал в запоях. И жена его, уводившая мужа с театральных банкетов, всегда имела печальный и обреченный вид.

Но случались проблески, и Никодимычу давали роли на Мосфильме. Там работали двое его верных друзей. Однажды он подсел ко мне в курилке и гордо показал фотографию, на которой он, обнявшись, стоял с Макдауэлом во время съемки фильма «Цареубийца». Но невостребованность и пьянка делали своё дело. Последние месяцы Никодимыч совсем уже стал походить на пропадающего человека.

Актерские свершения остались позади, изредка приходилось играть лишь безымянных слуг или собачек в сказках.

Всё, наверное, так и текло бы своей рекой, но однажды в театре взялись ставить свежую пьесу о гражданской войне.

Я упоминал, что это было начало девяностых, и несложно представить, что в пьесе всё было представлено с ног на голову от прежних представлений об истории. Красные – плохие, а белые – хорошие.

Красные уничтожали Россию, а белые спасали Родину. В общем, так, как полагалось по тем временам.

Театральное начальство, быстро сообразив, что это «околоисторическое» творение займёт своё место рядом «Детьми Арбата», грохотавшими в том сезоне, дало команду ставить.

Никодимычу досталась роль священника, настоятеля монастыря, в который ворвались красные. Его отца Гавриила приговорили к расстрелу и предложили отречься от веры, сказав: «Бога нет». Гавриил отказывается, читает «Символ веры», командир дает отмашку, и священник мученически погибает.

В этом и заключалась роль нашего героя. Он забросил пить и по вечерам, в свободное от спектаклей время, стал пропадать в церкви, вживаясь в образ.

Даже его утиная походка, бывшая анекдотом среди актёров, куда-то улетучилась. На смену ей пришла плавная и величавая поступь.

Последний день. Премьера. Все в напряжении.

Не театр, а корабль беженцев, покидающий порт, в который вот-вот ворвётся нечто и наполнит окружающий тебя воздух горячим и радостным волнением. Поднятый занавес, как толчок в спину, как шаг в открытый люк самолёта, когда ничего не остается, кроме как лететь.

Спектакль шел гладко, слишком гладко. За кулисами начинало бродить беспокойство, покалывая то одного, то другого.

Артисты знают этот момент, когда зритель равнодушно смотрит и, похлопав в конце спектакля, уходит с мыслью о том, что просто побывал в театре. Главный режиссёр стал метаться по гримёркам, раздавая указания.

Сцена расстрела. С этого момента началась цепочка странностей, которым я не берусь дать объяснение.

Эти события и стали зерном моей истории. Дело было так.

Командир предлагает Никодимычу отречься от Бога. Отец Гавриил закрывает глаза и молчит. Зал в напряжении. Священник поднимает голову и читает «Символ веры». Красный командир взмахивает рукой, и в этот момент зритель дружно охает. Артисты стоявшие на сцене замерли и посмотрели туда, куда смотрели все.

Вокруг головы Никодимыча, вначале слабо, а потом всё ярче начало разливаться золотистое сияние. Секунд через пять актёр, игравший комиссара, опомнился, прорычав: «Я сказал: огонь сволочи!». Грохнули винтовки. Отец Гавриил упал, и зал взорвался аплодисментами.

Унесенный за кулисы Никодимыч не успел встать с пола, как на него налетел режиссёр.

– Что вы себе позволяете? – возмущённо зашипел он.

– В смысле?.. – спросил Никодимыч и недоумённо уставился на главного.

– Что за самодеятельность, что за спецэффекты, я вас спрашиваю?

Актер, ничего не понимая, дрогнувшим голосом спросил:

– Где?

– А я и хочу спросить у вас: где? Куда вы засунули лампочку, и вообще, сейчас же выключите своё бездарное приспособление!

– Я не понимаю… – совсем отчаялся расстрелянный настоятель монастыря.

– Он не понимает! – Стало ясно, что главный сейчас взорвётся.

– Никодимыч, ты светишься, – тихо выдавил один из актёров, переминаясь с ноги на ногу.

В этот момент Никодимыч заметил, что и режиссёр, и артисты, одетые в солдатскую форму, как-то слишком хорошо видны в темноте закулисья. Люди, стоявшие перед ним, были высвечены неровным легким золотистым светом. Он бросился к зеркалу и в полумраке увидел яркое свечение вокруг своей головы.

Рассказывают, что после Никодимыч в полной прострации сидел в своей гримерке и таращился в зеркало. По коридору, ругаясь вышагивал главный, а в гримуборной стояли все, кто смог туда пробиться, и оцепенело глядели на сияющего артиста.

То же самое повторялось и на следующих спектаклях. Стало ясно, что с мужиком неладно. Все молчали, хотя кто-то прилепил бедолаге кличку «прожектор перестройки».

По прошествии трёх спектаклей главный режиссер перестал нервничать. В прессе пошли отзывы на спектакль, и кто-то из критиков назвал сияние отца Гавриила блестящей режиссёрской находкой. Слух о чуде быстро разлетелся по городу и вернулся в театр бурными аншлагами. Зал забивался до отказа. В театре такого не было уже давно. Сидели везде: на полу, в проходах. Стояли вдоль стен. Все шли увидеть сцену расстрела.

И каждый раз перед командой «огонь» зрители видели нимб, полыхающий вокруг головы актёра.

У Никодимыча появились поклонники, они встречали его при выходе из театра и провожали до дома. Народ был разный, но костяк составляли студенты из института культуры. Кто-то пытался толковать о мистике, другие поднимали вопросы христианства и квантовой физики, а один мужичок называл Никодимыча мессией.

Такой разворот событий напугал и заставил замкнуться растерявшегося артиста. Его задёргали репортёры. Непрерывные интервью с глупейшими вопросами. Самое обидное для него было то, что он ничего не мог понять сам.

У своего дома Никодимыч стал встречать плачущих людей, они просили вылечить либо их самих, либо их родственников.

Он кричал им, что он просто актёр, что нимб – это спецэффект, и, убегая, просил оставить его в покое.

Как-то вечером, когда почетный эскорт приближался к его дому, и все начали прощаться, откуда-то со стороны к Никодимычу направилась женщина и стала вынимать из сумки стеклянный флакон.

– Умри, дьявол! – крикнула она, плеснув в нашего героя кислотой. Плеснула неудачно. Но у девушки, стоявшей рядом, оказалось испорченным пальто. Нападавшую не задержали, она сразу убежала, а Никодимыча с того дня уже никто не провожал.

Людей, желающих поддержать его, не стало. Он в одиночку отбивался от иеговистов, кришнаитов, белых братьев, что липли к нему и посвящали в тайны своих учений. На спектакли одни зрители стали приносить банки с водой, другие, дождавшись начала действия, крутили головами и махали руками. Один раз в зале случилась истерика, и пришлось остановить спектакль.

На одной из репетиций, во время перерыва режиссёр пригласил Никодимыча к себе в кабинет. На столе лежала газета.

«Богохульство в притоне лицедеев» – крупным шрифтом чернело на развороте.

– Вы допрыгались, – сказал главный. – Мне неинтересно, как вы светитесь. Но мне звонят. И вы не представляете себе, откуда. Вами интересуются такие организации! Мне плевать, каким способом вы прекратите бедлам, в который превратился наш спектакль. Это ваше дело. Даю вам неделю.

Никодимыч сник. Даже казалось, почернел. Он тихо сидел в уголке курилки и, глядя в пол, пускал дым.

События завершились через месяц после премьеры.

Вечером, после спектакля, Никодимыча жестоко избили прямо у служебного входа в театр. На глазах у свидетелей здоровяки в камуфляжах забили его шнурованными армейскими ботинками. Кто это был, никто не знает. Милиция дело закрыла быстро. Ясно, что Никодимыч мешал всем. Но кому-то немного больше, чем другим.

Жена Никодимыча рассказала мне, что когда он умирал, то лишь один раз, придя в сознание, произнёс: «Какая глупость!».

г.Иркутск